

Сабантуй.

Вот с чего началась эта история.

В одном небольшом городке, где и увеселительных заведений-то было, раз-два и обчёлся, в кафе баре «Чёртов кут», собрались все безобразия мира на свой слёт.

Странного в этом ничего нет. У них каждый год организовывался вот такой сабантуйчик, куда приглашались разные «знаменитые» негодности со всего мира. И обязательно это должно было происходить в небольшом городке, и в самом паршивом заведении этого городка.

На сей раз выпал им этот город, и это вот кафе бар.

Председательствовал за столом мистер Жестокость.

Его ближайшие помощники, Хамство и Наглость, были организаторами этого слёта-сабантуя, потому сидели один по правую руку, другой по левую от мистера Жестокость.

Далее, в порядке ранга и заслуг: Страх, Жадность, Зависть, Разгильдяйство, Мечь.

Ну а всякая другая нечисть расплылась по всему залу, заполонив все столики этого уютного кафе бара.

Мистер Жестокость постучал по бокалу с какой-то красной жидкостью вилкой, привлекая внимание всех, кто сидел за столами. Ибо, они все так галдели, что у случайных присутствующих в этом кафе вообще не было ни одного шанса их перекричать. Когда публика в кафе замолкла, председательствующий сказал:

- Я так понимаю, что наш ежегодный слёт, конференция, семинар, сабантуй, как хочешь называй эту встречу, можно считать открытым.

Делегаты закивали головами.

- Поделимся опытом, расскажем про успехи, которые смогли достигнуть за прошедший срок с прошлой встречи. Каких результатов добились в деле разврата человечества. Надеюсь, что каждый из вас глубоко понимает важность нашего служения?

Всё общество снова понимающе закивало головами.

- Ну, с кого начнём?

Мечь первой запрыгала на месте, от нетерпения высказаться.

- Ну что же, госпожа Мечь, вам слово.

Мечь, скрюченное существо, с длинным носом на котором внушительная горбинка, с ехидными, маленькими глазками, тонкими губами, которые, когда та смыкала плотно рот, тут же выдавали, что он полностью лишён каких бы то ни было зубов, тут же вскинула тощие костлявые руки с длинными пальцами, и радостно вскочила со своего стула.

На восторг госпожи Мечи, кинув пренебрежительный жест левой руки, при этом небрежно откинувшись на спинку стула, вымолвил мистер Наглость:

- Да не скажи ты. Можешь и сидя нам вещать.

- Да, чего это я, - засуетилась Мечь: действительно.

Так вот, что я могу вам рассказать. Во всех школах, я тех сорванцов научила подкладывать кнопки на стул за каждую полученную ими двойку, всем учителям.

Смеху-то, когда учителя взлетают со своих стульев быстрее ракеты! А детишки злорадствуют! Цирк, да и только: - ехидно захихикала мечь.

- Детский сад, ясельная группа, - пренебрежительно отозвался мистер Хамство, на восторженные речи госпожи Мести: век учишься дура, а всё кнопочками занимаешься. Не пора ли тебе госпожа, уже и повзрослеть?

Месть мельком взглянула на Хамство, как бы метнула из своих прищуренных глаз испепеляющие молнии, но молча села на своё место.

- Ну кто ещё рискнёт выступить? – спросил мистер Жестокость.

Но, после неудачного выступления госпожи Мести, все угрюмо повесили головы, склоняясь над своими тарелками.

Мистер Жестокость обвёл всех суровым взглядом, остановившись на доне Разгильдяйстве:

- А ну-ка, дон, может у тебя есть что-то такое, о чём бы мы все вместе сказали: Ух ты! И ах...х...х!

Дон Разгильдяйства поднял голову, тупым туманным взглядом уставился в одну точку, и какое-то время снова, под потолком кафе, зависла тишина.

Но, не долго это длилось. Дон нашёл в себе силы или мысли, и вымолвил:

- Значит, всё это было так...

Рассказ мистера Разгильдяйства.

- Заприметил я одну семейку. Так себе, ничего семейка. Мужик днями вкалывает. Его половина на кухне днями пропадает. Стряпает, готовит, стирает. А то и по дому убирает. Детишки, у них двое, сын и дочь, прилежно учатся, часами проводят за учебниками.

И так мне захотелось испоганить в этой семье всё!

Я и к детям подступал. Посачкуйте, мол, пропустите хотя бы один урок. Бесплезно. И маму их пытался соблазнить. Так же безуспешно. И мужика по-всякому совращал, и выпить, и изменить. Так ведь, паразит, не пьёт, не курит, чужими девицами не интересуется. Два приоритета у него, работа и деньги, которые можно заработать.

Ну как в таких условиях трудиться?

Гуляю я как-то возле дома этого семейства. Из подъезда того дома вываливается мужик с другом. Подшофе оба, еле ногами перебирают.

Я к ним:

- Привет мужики, догнаться не желаете?

- Ты что приятель, с ума спятил? Откуда у нас лаве на догон?

- Не вопрос, я лаве найду. Что, тогда будете?

- Чо, точно бабки найдёшь? Ну найдёшь, тогда будем.

- Но, за тво...о...и.- еле шевеля языком пробубнил его друг.

- Спок, разумеется за мои.

Друзья, заплетаясь в собственных ногах, двинулись за мной.

Когда я, в ближайшем магазине плотно затарился водярой, мои приятели, гляжу, и походку выровняли, и трусцой уже за мной мчались.

Но, прежде, чем налить им, я сказал:

- Погодьте, плату за выпивон я с вас не возьму, это ясно. Но, вот одно условие вы выполнить обязаны.

- Какое это ещё за условие? – чуть ли не в один голос спросили мои собутыльники.

- А вот, я хочу, чтобы с нами выпил Костяныч из семнадцатой квартиры.

- Костьяныч? – спросил один из них: - шутишь мужик! Костьяныча и заморским калачом в наши ряды не затащишь. Трудоголик! – со значением вымолвил завершил тот свой диалог.

- А вот прикинь, как его заманить, тогда вся водяра ваша.

- Погодь, - встрял в разговор второй: Костьяныч мужик безотказный, когда какими-нибудь деньгами пахнет. А у меня глянь, вода в кране не перекрывается. Так и течёт день и ночь на пролёт. Нюрка, жёнка уже весь плешь переела: - сделай да сделай. А как я сделаю, я вообще на что-нибудь гожусь? Вот, только чарку хлопнуть с приятелями, ну да, это если на халяву.

- Так поди, пригласи его. Посули столыник: - предложил я.

- Столыник? – взвыл от удивления хозяин испорченного крана.

- Столыник ему, а водяра ваша.

- Годится!

Вскоре, с хозяином квартиры пришёл и Костьяныч с чемоданчиком инструмента.

Деловито осмотрел текущий кран, и авторитетно вымолвил:

- Да тут делов на пять минут. Заменить прокладку и все дела.

Минут через пятнадцать всё было исправлено. Костьяныч взял столыник, который я предварительно сунул в руку хозяина, и собрался уходить.

Вот тут я пошёл в атаку:

- Ну куда ты, дорогой, твой труд надо бы обмыть, чтобы прокладка долго служила.

- Да не пью я уважаемый. Да и жена, семья, некогда мне.

- Да никуда не денется твоя жена, и дети не сбегут. Пять минут погоды не сделают.

- Да, чего это ты сосед, брезгуешь нами? Мы к тебе по-людски, а ты...: загалдели разом мои приятели.

Хозяин квартиры даже встал с места:

- Не Костьяныч, так дело не пойдёт, никуда я тебя не пущу. Выпей пять капель за свою работу, и иди хоть к жене, хоть к детям, хоть куда ещё..., но уважь компанию.

Костьяныч ещё постоял с минутку, по переминался с ноги на ногу, а потом, видя, что сопротивление бесполезны, резко махнув рукой, присел к столу.

Первый гранёнок выпили за ремонт, второй уже пошёл за специалиста, третий за его жену, четвёртый за его детей. А там уже пили и пили без всяких тостов.

Часа через четыре я оттащил Костьяныча домой.

Утром проснулись в квартире Хозяина. Гадюшником, после вчерашней попойки это жилище назвать было бы бестактно по отношению к гадюшнику. Она выглядела куда хуже гадюшника.

Да тут ещё и жена его с ночной вернулась, сторожем где-то работала.

Скандал!

Я быстро усмирил. Сбегал, принёс пузырь водки. Жена Хозяина так же была не прочь промочить глотку.

Сидели до вечера.

Потом жена Ксюша, вдруг вспомнила, что у неё где-то есть швейная машинка в шкафу, которая совершенно не работает, потому что... .

Я тут же отправил её к Костьянычу. Велел пообещать ему трёх сотку.

Костьяныч быстро явился со своим чемоданчиком.

Когда машинка застрочила, он собрался уходить.

Тут в бой пошла Ксюша:

- Ты что, сосед, женщине откажешь? За труд, чтобы машинка век служила, грех не выпить.

В этот раз Костьяныч не долго сопротивлялся.

И снова завис у Хозяина часа на четыре.

Сломал я оборону Костьяныча. Далее пошли: холодильник нуждался в ремонте, телевизор портачил, мясорубка зажёвывала мясо.

Одним словом, месяц Костьяныч у меня не «просыхал».

Его жена, покрутилась, повертелась. Пыталась даже как-то повлиять на Хозяина и его жену Ксюшу. Но, всё оказалось тщетно.

Я тут и бабу Нюру приспособил с её поломанным хозяйством, и Остапыча со многими знанием и умением.

А сам жене Костьяныча то и дело сыплю комплементы. Выслушиваю её жалобы на свою горемычную судьбу, жалобы на несносных соседей. И, тем временем, всё подсовываю её к молодым, горячим жигало. Приду то с одним, то с другим. Деньги все любят.

Через месяц и она сдалась. Впала в объятия одного из прохвостов, которые, по моему настоянию, роем крутились вокруг неё.

Дети же, оставшиеся без присмотра родителей, сначала попробовали пропустить школу. Потом испытали как действует табак на несформировавшийся детский организм. А там ещё и спиртным побаловались, и с наркотиком познакомились.

И у них покатило всё по кривой.

Развалил я семью. А ведь такая надёжная была. Оплот! Где теперь этот оплот?

- Bravo, bravo, - похлопал в ладоши мистер Жестокость: - Вот вам живой пример инициативы и фантазии.

Великое дело – разгильдяйство! С виду и не криминал даже, а вот как «замечательно» может закончиться!

Ну, кто сейчас отважится продолжить рассказ о своих достижениях?

- Да знаю я эту семейку, - вступила в разговор миссис Жадность: - как раз, я трудилась в соседнем подъезде. Видя, как Разгильдяй совращает семейку Костьяныча, бабка Нюра стала проявлять живой интерес.

Рассказ миссис Жадности.

По началу бабка Нюра была очень даже порядочной женщиной. У неё три высших образования. Дети разъехались по заграницам. Мужа схоронила уж лет восемь как назад. Жила сама в уютной двух комнатной квартире. Следила за порядком тщательно. Ничего лишнего в квартире. Чисто и опрятно.

Редко сидела на лавочке у подъезда, судача с со своими сверстницами.

И вот, забрался Разгильдяй в этот двор и давай смущать семью Костьяныча, вполне порядочного человека.

Я же, в то время, пристально присматривалась к бабе Нюре. И вроде бы, ничего не предвещало успеха, чтобы ту совратить.

Но, вот однажды, Разгильдяй забрался в её квартиру, и обнаружил, что у той утюг не работает.

Гляжу, Костьянович, уже еле живой от выпитого, тащится к бабе Нюре. За жалкие копейки отремонтировал ей тот утюг.

И сколько радости было у старухи. Сэкономила и на том, и на этом. Будто она в недостатке жила.

Вот тут я и вошла в долю с мистером Разгильдяйсва.

Гляжу, по утру, бабка Нюра тащится к бочкам с мусором, выкинуть скопленные за неделю отбросы.

Я взяла и подбросила на видное место сломанные настенные часы с кукушкой. Редкая вещь. Не в каждом антикварном магазине такие найдёшь.

Бабка Нюра не могла пройти мимо. Остановилась, подняла, рассматривает. Потом, быстро выкидывает свою ношу, даже не донеся до ящика с отходами, хватает те часы, и бегом домой. А вечером у неё уже Костьянович с постоянным чемоданчиком, в гостях.

Что-то там поколдовал, постучал, покрутил. Часы пошли.

Бабка Нюра готова сойти с ума от радости.

Тикали те часы до полночи. В полночь же, выскочила кукушка, два раза прокричала своё ку-ку, ку-ку, икнула, и умолкла. Умолкли и звуки: тик-так, тик-так.

Бабку Нюру это не смутило. Безмолвные часы так и остались висеть у неё на стене. В следующий раз я подкинула к помойке шикарную, слегка потёртую в локтях, курточку.

Баба Нюра даже долго её разглядывать не стала. Притаранила домой, вырезала красивые заплатки, залатала потёртые места на локтях. И аккуратно повесила на вешалку.

А тут смотрю, баба Нюра уже не раз в неделю выползала к помойке, а стала навещать туда раз в три дня.

У неё и столько мусора не собиралось. Но, хоть что-то, да держала в руках своих. Через короткое время вообще стала посещать помойку каждый день.

Я же старалась, неутомимо.

Подкинула ей чайный сервиз на двенадцать персон. Правда в нём были пять чашек треснутых. Но, ничего, клюнула и на такое баба Нюра.

В следующий раз она прихватила от помойки сломанный миксер.

И пошло, и поехало. Так выходить баба Нюра на «охоту» стала уже каждый день. И всегда, хоть какую-нибудь мелочь я ей подбрасывала. И брала баба Нюра уже всё без разбору.

Вскоре квартира бабы Нюры преобразилась.

Хлам лежал во всех углах. А пришло время, когда она могла пройти по своей двухкомнатной квартире, только узкими тропками.

Узкая тропка от кровати до санузла. От санузла в кухню до плиты и стола. От кухни, бочком, до двери в прихожей.

От мусора и грязи тараканы завелись. А в том полугнилом раздолье они себя так вольготно почувствовали, что стали плодиться сотнями.

В довесок к тараканам и мыши, и моль. И чего только у неё ни завелось.

Перестала баба Нюра выходить к сверстницам, сидеть на лавочке. Даже старалась как-то обходить их, чтобы даже окликнуть не могли.

Гостей на порог не пускала.

До поздней ночи, насколько это позволяла незаполненная территория, перебирала своих находки. Примеряла разные вещи, раскладывала разную посуду. Рассматривала найденную бытовую технику.

И стала чахнуть, чахнуть над своим добром.

И, на этой торжествующей ноте, миссис Жадность закончила свой рассказ.

- Похвально, похвально, - похлопал три раза в ладоши мистер Жестокость.

Ну, у кого есть ещё, что добавить к рассказу наших героев?

- Вообще-то тот двор известный, - заговорил дон Трусость: и мне там пришлось малость потрудиться.

Рассказ дона Трусости.

- Остапыч, в прошлом героический парень, с годами не менялся. Вообще-то, Остаповичем его, ещё не пожилого парня, стали звать из уважения к его непримиримому справедливому характеру. Он бесстрашно высказывал всем чего они стоят. Он, не задумываясь мог вступить за слабого, всегда помочь нуждающемуся.

Но, однажды, идя по вечернему скверу, он нарвался на компанию ребят среди которых была полупьяная девица.

Та, так визжала, что Остапыч подумал, что её избивают, и решил за неё вступить.

Но, ребята оказались ушлые. И так отделали Остаповича, что он с полчаса, отлёживался на земле.

Уже, лёжа на земле он и услышал голос той девицы, который запал в самую душу.

Она изрекла истеричным визгливым голосом:

- Так ему и надо козлу. Чего лезет, будто его просили, - и она, пренебрежительно плюнув в его сторону, демонстративно развернулась на своих тощих ножках. При этом её так качнуло, что приятелям пришлось подхватить её летящее на землю тощее пьяное тело.

И именно, в тот момент к Остапычу в душу влез я. Незаметненько так. Потеснил немного его совесть. Чуть-чуть убрал решительность. Плотно уселся на гормон смелости, подвинул гордость на первый план, и всё, поник парень.

Но, чтобы держать свой имидж, иногда подавал голос, пользуясь одной гордыней. Тут я вообще не вмешивался.

Так бы он и жил, уже не выделяясь.

Но тут в дело вступил мистер Разгильдяйство.

Проще было вообще вселиться в бабу Ньюру. Та боялась каждого звонка в дверь. Не трудно было управлять так же детьми Костьяныча. Те у меня стали бояться всех. Отца, мать, учителей, милицию, соседей, чтобы, ни крий Бог, кто-то их увидел с сигаретой, или под наркозом, или слегка выпивших.

Всё это было до того тривиально и не интересно, что я уже решил покинуть тот двор и поискать что-то ещё.

Но, однажды, идя домой вместе с Остапычем, увидел, что к детишкам Костьяныча пристают какие-то отморозки. Они прижали детей к стенке гаража, и что-то злобно выговаривая каждому, брызжа в лицо слюной, энергично трепали за грудки.

В былые времена Остапыч даже не задумывался бы, мгновенно встрял бы в разборки и постарался бы проучить хулиганов.

Но, тут и сработало. Перед глазами предстала картина, как его избивают в сквере и визгливый голос девицы: «...так ему и надо козлу».

Уйти было стыдно, и Остапыч спрятался в темноту за деревом, продолжая наблюдать, чем закончится этот интендант.

Я и до сих не знаю, как мог Костьяныч услышать и понять, что творится за гаражами, когда дом находился от гаражей на приличном расстоянии, а его окна квартиры выходили на противоположную сторону от гаражей.

Тем не менее, он, как разъярённый бык, вылетел из подъезда, и, несмотря на то, что был изрядно подшофе, кинулся за гаражи.

Отморозки отпустили детей, и стали охаживать Костьяновича всеми возможными средствами. И кулаками, и ногами, когда сбили его с ног на землю. Дети пытались защитить отца, но отморозки отмахивались от них, как от назойливых мух.

А Остапович, стоя за деревом в темноте, дрожал, как лист на ветру.

И лишь, когда отморозки натешились и ушли, вышел из-за дерева, и тут вспомнил, что у него есть мобильный телефон.

Сразу же, набрал номера полиции и скорой помощи. Потом подошёл к детям, сидящим прямо на земле возле безжизненно лежащего тела отца. Постоял молча с минуту, тихо развернулся и ушёл.

Отделали Костьяныча отменно. Но, живым он остался.

По свидетельским показаниям Остапыча, тех отморозков нашли быстро. Они, в том же дворе решили продолжить свой кутёж в одной из беседок. Тут их полиция и накрывала.

Одного не знал Остапыч, что в тот момент избияния Костьяныча, бабка Нюра находилась у мусорных баков. Выглядывая оттуда видела, как зверски избивали Костьяныча, видела, как прятался Остапыч в тени дерева, как не спеша вышел, когда кончилось избияние, как набирал номера телефонов полиции и скорой помощи, и как быстренько ретировался, когда выполнил «свой гражданский долг». И, лишь по номеру его мобильного телефона, быстро нашли свидетеля, и смогли поймать преступников.

- Во-во! Тут и я приложила свою руку, - снова встряла в рассказ госпожа Жадность. Подтолкнула бабку Нюру и та на следующий вечер, подловила Остаповича возле пустого подъезда, и выйдя из темноты, как некое привидение, сказала:

- Погодь Остапычь, я видела, как ты прятался за деревом, когда избивали Костьяныча. Хочешь я бабкам на скамеечке шепну обо всём этом? А они, быстро эту новость разнесут по всему району.

- Баба Нюра, зачем тебе это надо?

- А как же? Все знают, что Остапыч смелый защитник, справедливый в деле, готовый помочь обездоленным.

А тут, надо же, за деревом спрятался! И конец всякому уважению к тебе.

- Ну хорошо, - прервал её Остапович, говори, что тебе от меня надо.

- Ну, что надо, что надо, да вот, давай двести гривен и мы в расчёте.

- Тьфу ты, и из-за такой мелочи ты баба Нюра, весь этот сыр-бор устраиваешь!?

Остапович вынул кошелёк и отдал ей двести гривен.

Получив халявные деньги, баба Нюра быстрым шагом, насколько ей позволяли её не молодые ноги, скрылась в свой подъезд.

Уже, сидя дома, думала: «Ну не дура ли я? В самом деле, что это двести гривен? Надо было просить две тысячи гривен. Вон как легко он с деньгами расстался. Видимо тоже не честно нажиты».

- Во, точно, - вмешался в рассказ дона Трусости, и госпожи Жадности синьор Наглость: - в тот момент в дело вмешался я.

Рассказ синьора Наглости.

Моё вмешательство придала смелости бабе Нюре. Та, на следующий день, встретившись с Остаповичем, тихо так, зашептала ему:

- Не думай голубчик, что я отступилась и всё забыла. Готовь ещё две тысячи за моё молчание. И тогда мы квиты.

- А ты уверена баба Нюра, что и тогда ты остановишься? Хоть я и зарабатываю не плохо на своей работе, но лишних двух тысяч у меня нет.

- Найдёшь, - ехидно взглянув на Остаповича, сквозь свои вставные зубы, вымолвила баба Нюра: - а нет, так и не надо. Вон бабки уже давно без новостей сидят на лавочке. Ну, так что? Я пошла?

- Стоять! Что ты себе надумала, - страх мелькнул в глазах Остаповича: - пол месяца потерпи, соберу я тебе две тысячи.

- Пол месяца? Ну уж нет. Может я завтра умру. Три дня!

- Хорошо, три дня, так три дня, - подумав немного, согласился Остапович.

Удовлетворённая баба Нюра, вскинув гордо голову, побрела в свой подъезд.

- Вот, вот, вот, - перебила сеньора Наглость, госпожа Месть: - Вот, вот, а я и забыла за тот случай. Как раз ведь рядом была.

Рассказ госпожи Мести.

- Я, аки львица, бросилась на Остаповича, влезла в него всего. Он так возненавидел ту бабу Нюру, что готов был убить её тут же.

Но, вернувшись домой, посидел, успокоился, подумал и решил:

- Убивать старую перечницу нет смысла. Только себя подставлю. Надо что-то другое.

Послежу ка я за ней. Наверняка у неё есть «свои скелеты в шкафу».

И стал Остапович следить за бабкой Нюрой.

А следить было не сложно. Окна его квартиры выходили как раз во двор, где хорошо просматривались баки для мусора.

И, долго ждать не пришлось.

Видит, тихо так, осторожно, открывается подъездная дверь, высовывается нос бабы Нюры. Затем вся голова. Та, быстро осмотревшись по сторонам, бегом засеменяла к мусорным ящикам.

Бойко орудуя возле них, что-то выкидывала, что-то рассматривала, что-то откладывала в сторону.

Потом, аккуратно сложила то, что от клала, подхватила под мышку и бегом к своему подъезду.

Когда за ней захлопнулась дверь подъезда, Остапович вышел из дому, поднялся на этаж, где жила бабка Нюра, подошёл к её двери.

Даже из-за запертой двери тянуло таким ароматом! Что тут же к горлу подступал рвотный комок.

Уже на утро, с домоправителем, Остапович звонил в двери бабы Нюры.

Но, осторожная старушка даже не подошла к двери.

Тогда домоправитель с Остаповичем пошли в домоуправление, прихватили с собой мастера участка, по дороге зазвали с собой ещё нескольких жильцов того дома, и снова попытались дозвониться до бабы Нюры.

Из-за двери им ответило гробовое молчание.

Тут и место нашлось для господина Страх.

- Да...а...а! Славно я там поработал, - гордо воскликнул Страх: - так всех опутал, что они решили, что бабка «крякнула» и гнильца из-под двери исходит именно от неё.

- Тогда, - продолжила госпожа Мечь: - решили вызвать слесаря и вскрыть дверь. И только принялись выполнять решение, как отворилась дверь и на пороге, заслоня собой проход с мусором, бледная, как покойница, предстала перед всеми баба Нюра. Из распахнутых дверей пахло такой вонью, что все невольно по зажимали носы.

Ох и скандал разразился через мгновение! Кричали все:

- Так вот откуда вонь! Так вот откуда тараканы полчищами по всему дому! Вот почему крысы в этом доме смелее котов?

И так далее, и тому подобное.

Бабка Нюра пыталась защитить свои сокровища:

- Это нужные вещи. Я детям приготовила. Вернуться будет что одеть и на стол поставить.

- Что одеть? Что поставить? Да это гнильё и на помойку стыдно выкинуть! Вообще всё сжечь! Это же рассадник заразы! – больше всех кричал Остпович.

- А ты уж молчи, - пыталась обороняться баба Нюра: - что забыл, что должен, или всем рассказать, как ты струсил.

Гвалт поднялся невообразимый. Скоро в подъезде, всем желающим принять участие в этом скандале и места не хватало. Тут был и Костьяныч, хоть ему было ещё трудно передвигаться, и его дети с женой. Тут и выпивохи, думая, что в этом общем возмущении и им что-то перепадёт на опохмел, тут сердобольные соседки, впервые покинувшие свой пост на лавочке у подъезда.

И в этой круговерти всем нам работы хватило, и жестокости, и наглости, и хамству, и трусости, и страху, и мести.

А разгильдяйство, довольно насвистывая забавную мелодию, самодовольно разгуливало по двору, зная, что из этой вот шумихи, очень даже скоро, можно будет сеять семя разврата и беспорядка в соседнем дворе, в соседнем районе, во всём городе.

А где-то далеко-далеко, на краю города, стояли и смотрели на весь этот беспорядок: любовь, нежность, сочувствие, прощение, верность, и ждали, когда же эти люди одумаются и позовут их на помощь.

А в кафе баре «Чёртов кут» все так развеселилось, поняв какие они все значимые, ибо, как оказалось, что тот двор не обошёлся без какой бы ни было нечисти, стремящейся овладеть всем миром. Аналогичные действия происходили и соседних районах, в городах, областях, по всему миру.

Послесловие.

Конечно, можно было бы на этом поставить точку. И вспомнить слова Писания, которые оставил Господь: «...и, по причине умножения беззакония, во многих охладееет любовь».

Потому, кто верен Господу, не время вкладывать «меч в ножны». Люди должны знать о Божьей любви. Люди должны знать, что простое разгильдяйство влечёт за собой целый шлейф разной нечисти.

Поставьте ей заслон из любви, нежности, сочувствия, прощения и верности.

Покажите людям Божью любовь, если только она изливается из вас.